

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ КИТАЯ ОТНОСИТЕЛЬНО «СТРАТЕГИЧЕСКИХ ГРАНИЦ» И «ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА»: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ ДЛЯ ЦЕНРАЛЬНОЙ АЗИИ

К.И. Масабаев

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются эволюционные этапы внешнеполитической концепции Китая и особенности характера международных отношений на основных геополитических направлениях внешнеполитической активности КНР. Исследуются причины, которые способствуют объединению и успешному сотрудничеству между странами и, наоборот, причины, которые оказывают негативное влияние на взаимоотношения и служат источником разногласий. Выделяются и характеризуются важнейшие изменения, вносимые во внешнюю политику КНР по мере усиления ее комплексной национальной мощи.

В статье также описываются отличия китайской школы геополитики, имеющей свои собственные исторические, культурные и философские корни.

Проведен небольшой экскурс политики Китая относительно «стратегических границ» и «жизненного пространства» и его возможных последствий для Казахстана и Центральной Азии в целом.

Ключевые слова: КНР, внешнеполитическая концепция Китая, геополитическое направление, гармоничное развитие, «китайская мечта», китайская школа геополитики, Центральная Азия, «картографическая агрессия».

Институт востоковедения
имени Р.Б. Сулейменова
КН МНВО РК,
Алматы, Казахстан

Автор-корреспондент:
К.И. Масабаев
kmassabayev@hotmail.com

Ссылка на данную статью:
Масабаев К.И.
Внешиполитические
концепции Китая
относительно
«стратегических границ» и
«жизненного пространства»:
внешнеполитические риски
для Центральной Азии //
Адам әлемі. – 2022. – № 3 (93).
– С. 87-101.

Қытайдың «стратегиялық шекаралар» мен «өмір сүру кеңістігіне» қатысты сыртқы саяси тұжырымдамалары: Орталық Азия үшін сыртқы саяси тәуекелдер

Аңдатпа. Мақалада Қытай Халық Республикасының сыртқы саяси ұстанымының эволюциялық кезеңдерін және Қытайдың сыртқы саяси белсенділігінің негізгі геосаяси бағыттарының халықаралық қатынастар жүйесіндегі ерекшеліктерін қарастырылады. Сонымен бірге, елдер арасындағы өзара түсіністік пен баянды ынтымақтастыққа ықпал ететін әр түрлі себептерді сондай-ақ селбестік қатынастарға теріс әсер ететін немесе келіспеушілік көзі болып табылатын жағдаяттар зерттеледі. Мақалада соңғы кездерде Қытайдың сыртқы саясатына енгізілген маңызды өзгерістер оның халықаралық интеграциядағы күшейген ұлттық әлеуеті мен оның өзіндік ерекшелігі сипатталады.

Мақалада сонымен қатар өзіндік тарихи, мәдени және философиялық тамыры терең Қытай геосаясат мектебінің айырмашылықтары баяндалған. Осы негізде Қытайдың «стратегиялық

шекаралар» мен «әсер ету кеңістігі» және оның Қазақстан мен Орталық Азия үшін туындайтын ықтимал салдарларына қатысты саяси жағдайға шағын шолу жасалған.

Түйін сөздер: ҚХР, Қытайдың сыртқы саяси тұжырымдамасы, геосаяси бағыт, үйлесімді даму, «Қытай арманы», Қытай геосаясат мектебі, Орталық Азия, «картографиялық агрессия»

China's Foreign Policy Concept of 'Strategic Borders' and 'Living Space': Foreign Policy Risks for Central Asia

Abstract. The article examines the evolutionary stages of China's foreign policy concept and the features of the nature of international relations in the main geopolitical directions of China's foreign policy activity. The reasons that contribute to unification and successful cooperation between the countries and, on the contrary, the reasons that have a negative impact on mutual relations and serve as a source of discord are investigated. It outlines and describes key changes in China's foreign policy as it strengthens its comprehensive national power.

The article also outlines the differences of Chinese school of geopolitics, which has its own historical, cultural and philosophical roots.

It provides a brief overview of China's policy on "strategic boundaries" and "living space" and its possible implications for Kazakhstan and Central Asia as a whole.

Key words: PRC, Chinese Foreign Policy Concept, Geopolitical Direction, Harmonious Development, "Chinese Dream", Central Asia, Chinese School of Geopolitics, "Cartographic Aggression".

Введение

По мере повышения геополитического потенциала Китая и его роли в мировой экономике и политике, появились два противоположных мнения о значении Китая, как супердержавы для всего мира. Одни считают, что возвышение этой страны будет способствовать общему процветанию и миру, другие, что Китай является агрессивной державой, преследующей собственные меркантильные интересы, стремящейся только увеличить свое влияние как в регионе, так и во всем мире. Поэтому, в настоящее время, внешнеполитическая концепция Китайской Народной Республики находится под крайне пристальным вниманием международного сообщества и является объектом тщательного изучения в системе современных международных отношений. Она прошла свой эволюционный путь развития и обладает рядом особенностей, которые берут начало, развиваются и трансформируются с самого момента образования КНР. Можно сделать вывод об углублении и обогащении внешнеполитических концепций КНР в ходе

ее развития, по мере становления ее экономической и политической мощи. Внешняя политика Китайской Народной Республики оказывает исключительное влияние на развитие Азиатско-Тихоокеанского региона и всего мира в целом. Поэтому рассмотрение и анализ этих особенностей в историческом ключе является важным для понимания внешней политики КНР в настоящем и будущем.

Китаем установлены три основных геополитических направлений для внешнеполитической активности своей страны: северо-западная, юго-западная и юго-восточная геополитические линии, отмечены главные страны на каждом из геополитических направлений, основные события во внешней политике с каждым из них. Неохотимо отметить, что китайская школа геополитики имеет свои собственные исторические, культурные и философские корни. Она отличается от западного видения геополитики, как идеологического инструмента для территориальных притязаний. Геополитика Китая, начиная с древних времен, больше акцентирует свое внимание на приграничных районах, имеет

ся в виду отношение к собственным границам и собственному экономическому пространству, поэтому не считалось, что страны и регионы, которые были далеко от ее границ, имеют прямое отношение к Китаю. Если геополитика Запада концентрирует внимание на окружающем его пространстве, которое несет в себе смысл экспансии в это пространство, то геополитика Китая говорит только об определении границ собственной безопасности, в пределах которых не должна формироваться прямая угроза стране. Интерес к исследованию основных тенденций развития современных геополитических процессов в Китае объясняется тем, что она может быть примерена как идеология восстановления великодержавного статуса страны и внедрение таких геополитических категорий как границы, территории, жизненное пространство и национальные интересы становится очень актуальным и востребованным в сознании руководителей страны.

Методика исследования

Исследование базируется на фундаментальных и прикладных трудах отечественных, российских и зарубежных ученых в области экономической теории, мировой экономики, теории переходной экономики, институционализма, а также новейших исследованиях, посвященных различным проблемам развития экономики и внешнеполитических связей КНР. Важный вклад в понимание современных направлений экономического развития Китая, различных сторон его взаимодействия с внешним миром вносят выступления руководителей КНР.

Методология исследования основана на диалектической теории развития, фундаментальных положениях экономической теории, единстве логического и исторического методов познания. Исследование основывалось на ис-

пользовании методологии системного анализа, позволяющего раскрыть причинно-следственные связи трансформации внешнеэкономической стратегии КНР, структуру и параметры взаимодействия с мировым хозяйством. В исследовании проведены анализ и эволюция внешнеполитической концепции Китайской Народной Республики. Широко использовались сравнительный анализ и статистическая обработка больших массивов данных.

Основная часть

Народно-освободительная армия Китая в 70-е годы XX века имела существенные проблемы, связанные с недостаточным количеством современной военной техники. Вследствие этого, в тактическом плане, стратегия страны была полностью оборонительной. Таким образом, было заявлено, что КНР проводит политику исключительно оборонительного характера:

- единство стратегической обороны и готовность к тактическому нападению;
- приверженность принципам обороны, самообороны и ответного удара по противнику;
- соблюдение позиции «Мы не будем нападать, пока на нас не нападут, но мы непременно дадим отпор в случае нападения»

Однако после смерти Мао Цзэдуна военная стратегия КНР изменилась, и обозначились новые аспекты внешнеполитической концепции КНР в отношении будущего миропорядка:

- курс на повышение международного положения и перехват лидерства в военной сфере, расширение влияния Китая;
- переход к обеспечению безопасности не только прибрежных территорий, но и в открытом море;
- стремление развивать военное сотрудничество с другими странами; [1].

Как очевидно, КНР пересмотрела свою роль на мировой арене, что было отражено в четырех основных задачах внешней политики Китая на ближайшую перспективу:

1. Защита национального суверенитета и обеспечение экономической безопасности.

2. Борьба с гегемонизмом, силовой политикой и терроризмом, поощрение установления более справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка.

3. Адаптация к различным изменениям в международных отношениях после окончания холодной войны, особенно к всесторонней перестройке отношений крупных держав и небывалому оживлению деятельности различных региональных и межрегиональных организаций сотрудничества.

4. Адаптация к влиянию на Китай тенденции экономической глобализации и быстрого развития высоких технологий [2, с. 40-51].

В данное время, в геополитической обстановке современного мира произошло значительное усиление китайского влияния в мировой политике, которая обозначена следующими факторами:

- появление в международной структуре, с начала 21 века таких организаций, как ШОС, БРИКС, группы «20», в которых Китай является страной, которая структурирует эту систему и занимает в ней лидирующие позиции;

- превращение страны в крупнейшую экономическую державу за последние четверть века, с его ежегодным стабильным ростом, при общей нестабильности в мировой экономике и мировых финансах;

- проецирование жесткой силы в отстаивании своих интересов в мировых делах, в силу возросших возможностей.

Ученые Китая установили три основных геополитических направлений для

внешнеполитической активности своей страны. Северо-западная геополитическая линия, которая включает в себя Россию, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан Узбекистан и Туркменистан. В древние времена через государства Центральной Азии проходил так называемый «шёлковый путь» между Китаем и Западом и его протяженность составляет более 12 тыс. километров. В настоящее время, в этом направлении Китай продвигает «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) - проект по формированию единого евроазиатского торгово-экономического пространства и трансконтинентального транспортного коридора. Проект является частью Китайской инициативы по созданию глобальной транспортной и инвестиционной инфраструктуры «Один пояс, один путь», который объединяет два проекта – «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века». Как отметил руководитель Китая Си Цзиньпин, пятью основными задачами ЭПШП являются: усиление региональной экономической интеграции, строительство единой трансазиатской транспортной инфраструктуры, ликвидация инвестиционных и торговых барьеров, повышение роли национальных валют, углубление сотрудничества в гуманитарной сфере. По словам Чжан Вэй, Генерального консула КНР в г. Алматы, в настоящее время 124 страны и 29 международных организаций подписали с китайской стороной документы о сотрудничестве в рамках инициативы «Один пояс, один путь». [3]. Тем не менее, в своей деятельности на этом направлении Китаю до недавнего времени приходилось считаться с интересами России, которая как считается, сохраняет все еще влияние на бывшие республики Советского Союза. Хотя, в Китае Россия рассматривается как региональная держава, представляющая «тыл» китайской геополитики.

На юго-западном направлении, геополитическая линия включает в себя Индию, Пакистан, Афганистан, Бутан, Непал и Бангладеш. Большая часть границы Китая со странами Южной Азии проходит по краю тибетского плато и вдоль непрерывной цепи Гималайских гор, образующих «огромный географический барьер». На этой линии главной страной является Индия.

Китай и Индия являются соседями и быстроразвивающимися сверхдержавами, быть может, поэтому они и связаны довольно непростыми отношениями. Они имеют широкий спектр общих интересов, двустороннее сотрудничество перспективно, о чем в полной мере свидетельствует взаимодействие двух стран в последнее время. Совокупное население Китая и Индии составляет 40% от мирового, а их ВВП в 2015 году составил 18,5% мирового ВВП [4]

Торговый оборот между ними ежегодно растет с головокружительной скоростью. В 2021 г. двусторонний товарооборот составил 125 млрд. долл. США. Китай стал первым торговым партнером Индии. Растут и китайские инвестиции в индийскую экономику. Китайский бизнес проявляет всё больший интерес к инвестициям в индийскую экономику, 2015 году китайские инвестиции в Индию составляли 4 млрд. долларов США. С одной стороны, Индия всячески приветствует приток китайских инвестиций, но в тоже время предпринимает меры (включая военные) по укреплению своих позиций в стратегическом противостоянии с КНР в регионах, где их интересы пересекаются.

В марте 2014 г. состоялся 3-й раунд запущенного в сентябре 2011 г. Китайско-индийского стратегического экономического диалога. Эта площадка патронируется руководящими плановыми органами (комиссиями) двух стран. В ее рамках действует 5 рабочих групп: по согласованию экономической политики,

вопросам инфраструктуры, экологии, высоких технологий и энергетики. Отдельно проводит работу действующая на министерском уровне Совместная экономическая группа по торговле, науке и технологиям (создана еще в 1988 г.), курирующая, в том числе, взаимную торговлю и инвестиции [4, с. 266-272].

Китайские руководители подчеркивают, что необходимо развивать практическое сотрудничество по инфраструктурным, инвестиционным, информационно-коммуникационным и другим высокотехнологичным проектам; была отмечена задача, надлежащим образом контролировать разногласия, продолжая диалог специальных представителей по пограничным вопросам и укрепляя сотрудничество в оборонной области, а также заявлено о важности развития гуманитарных контактов. Во многом схожее или даже совпадающее видение декларировал и Дели.

Юго-Восточное направление внешнеэкономической деятельности Пекина включает в себя КНДР, Республику Корея, Японию, 10 стран АСЕАН, а также Австралию, Новую Зеландию и другие страны юго-западной части Тихого океана. Эта линия представляет собой 6 475 километров сухопутной и более 18 000 километров морской границы Китая. Эта морская геополитическая линия Китая, на которой США и Япония являются главными стратегическими партнерами и соперниками. Эти страны оказывают огромное влияние на обстановку в районе этой геополитической линии. Как полагает руководство Китая, на этой линии сейчас формируются основные угрозы национальной безопасности Китая, поэтому морская геостратегия становится первоочередной задачей страны.

В современном Китае, китайско-американским отношениям придается наибольшее значение. Двусторонние отношения с 2009 года носят громкое наименование

«китайско-американский стратегический и экономический диалог». В ней с самого начала присутствовал элемент соперничества, что неизбежно в отношениях двух наибольших экономик в мире, претендующих на особую роль лидера, притом, что Китай сохранил свою многовековую историю и культурные традиции, а США, не имея столь длительную историю, все же обладает высокотехнологичным производством, передовой наукой и военной мощью. Китай к тому же стремительно сокращает высокотехнологичное отставание и вкладывает огромные средства в науку и образование. Несмотря на существенные разногласия и ряд непримиримых факторов двустороннее партнерство между странами проходит на постоянной основе.

Существуют причины, которые способствуют объединению и успешному сотрудничеству двух стран и, наоборот, причины, которые оказывают негативное влияние на взаимоотношения и служат источником разногласий двух супердержав. Безусловно, объединяющим стимулом для двух стран, прежде всего, являются соображения экономической и финансовой выгоды.

Основным фактором, объединяющим две страны, является сотрудничество с Китаем крупнейших американских транснациональных корпораций (ТНК), которые размещают на территории Китая свои производства. Для американских ТНК в Китае это связано с получением продукции с меньшей себестоимостью, которое связано с более дешевой рабочей силой и таким образом компании имеют возможность получения сверхприбыли на разнице в цене. Хотя, наличие дешевой рабочей силы уже не является основной характеристикой Китая. Примерно с 2010 г. главным привлекательным фактором Китая для американских компаний стал огромный потенциальный объем китайского внутреннего рынка.

Если в 2001 г. внешнеторговый товарный оборот между США и Китаем 121,5 млрд., то в 2021 г. он достиг 755,645 млрд. долл. (экспорт – 576,114 млрд., импорт – 179,530 млрд.) [5].

Из числа негативных факторов в американско-китайских отношениях главным можно с уверенностью назвать «тайваньский вопрос». США оказывают поддержку острову финансово и в военном отношении [6]. Сотрудничество с Тайбэем вызывает раздражение у Пекина, как и масштабное экономическое и военное сотрудничество США с Японией и Южной Кореей, а также связи Вашингтона со странами АСЕАН и поддержка их в территориальном споре о принадлежности островов Южно-Китайского моря [7. с. 1-28]. Существующие противоречия между двумя странами и в других регионах мира, связаны с различным видением развития международных отношений в сфере безопасности и распространения своего влияния. Следующую группу проблем в отношениях двух стран составляют вопросы соблюдения прав человека и демократии. В ежегодном докладе о соблюдении прав человека в КНР, американцы акцентируют внимание на ситуации в Тибете и Синьцзян Уйгурском автономном районе. Помимо этого, происходит давление на политику Пекина через подконтрольные США международные неправительственные организации, не говоря уж о том, что США оказывают непосредственную поддержку оппозиционным силам внутри КНР. Так, часть экспертов усмотрела «руку Вашингтона» в умело срежиссированных выступлениях в Гонконге, начиная с 2014 года [8, с. 162–167]. Не менее острыми являются вопросы кибербезопасности. Китай обладает наибольшим числом интернет-пользователей в мире и вторым в мире уровнем распространения вредоносных компьютерных программ [9, с. 21–27]. Нельзя исключать и такой важный фак-

тор развития отношений между Китаем и США, как военное соперничество. Китай с 2016 по 2020 гг. проводил очередной этап реформы вооруженных сил. По официальным данным, в 2021 году военные расходы КНР составили \$293 млрд. долларов США, по оценкам SIPRI – увеличение на 4,7 процента по сравнению с 2020 годом. [10]. В 2016 году была завершена перестройка всей системы органов военного управления КНР, продолжают изменения в структуре вооруженных сил, направленные, прежде всего, на сокращение состава сухопутных войск, переноса центра тяжести на военно-морские силы и создание очень мощного 34 экспедиционного потенциала для действий в глобальном масштабе. В соответствии морской геостратегией, идет строительство надводных океанских сил флота, в том числе специализированных кораблей для обеспечения десантных операций значительного масштаба на большом удалении от своей территории. В 2015 г. китайский флот получил первую морскую десантную платформу, такой тип военных кораблей имеется на вооружении только в США. Для реализации концепции «обороны в ближних морях», направленные против действий морских сил США в Западной части Тихого океана, и «защиты зарубежных интересов» в КНР наращиваются соответствующие ассиметричные возможности, в том числе, уникальные виды вооружений, такие как противокорабельные баллистические ракеты. Накапливается потенциал по проведению кибератак против транспортной инфраструктуры для срыва переброски американских войск в регион. Очень существенным центром развития являются китайские ядерные силы. Предварительно, по некоторым оценкам считается, что Китай обладает ядерным арсеналом, сравнимым или несколько меньшим, чем у Франции. Но количественные и качественные характеристи-

ки ядерных сил КНР окружает большая степень неопределенности.

Большое количество китайских технологических мега инициатив говорит о вхождении США и КНР в технологическое противостояние. В ответ на третью стратегию компенсации Обамы, которая носила выраженный антикитайский характер, госплан Китая принял еще в 2017 году «план развития искусственного интеллекта следующего поколения» который предполагает, что Китай должен стать мировым лидером в отрасли к 2030 году. Китай делает ставку на развитие национальных лидеров из числа гигантских госкомпаний и концентрацию колоссальных ресурсов на ограниченном числе прорывных направлений под непосредственным контролем высшего политического руководства. Китай намерен планомерно строить вооруженные силы, которые обеспечат ему господство в Восточной Азии и позволят ограничить военные возможности США в Восточной Азии. Поставлена задача к 2050 г. добиться военного паритета с США в глобальном масштабе. При этом, как считает ряд экспертов, Китай сможет вытеснить США из приоритетных для себя зон влияния, таких как Восточная Азия, не вступая в прямой конфликт, просто за счет комбинации постоянного роста своей военной мощи и экономического влияния.

Проблемой для США по-прежнему является «размазанность» по миру всех военных сил и ресурсов при концентрации этих ресурсов у Китая в одном регионе.

Таким образом, отношения Китая с США на современном этапе развиваются достаточно интенсивно и являются одновременно отношениями партнерства и соперничества. Как было отмечено, КНР придает взаимодействию с Вашингтоном важное значение, и дипломатию на этом направлении во многом можно считать определяющей для

внешнеполитического курса Пекина в целом. Несмотря на отдельные выпады в адрес друг друга, в том числе со стороны нового 46-го президента США Д. Байдена, отношения двух стран базируются на прочной, сложившейся основе. Многочисленные конфликты интересов на международной арене, в сфере внутренней политики, вмешательств во внутренние дела, а также новейших угроз безопасности сочетаются в них на современном этапе с развитием взаимовыгодного сотрудничества.

Китайская школа геополитики имеет свои собственные исторические, культурные и философские корни. Она отличается от западного видения геополитики, как идеологического инструмента для территориальных притязаний. Геополитика Китая, начиная с древних времен, больше акцентирует свое внимание на приграничных районах, имеется в виду отношение к собственным границам и собственному экономическому пространству, поэтому не считалось, что страны и регионы, которые были далеко от ее границ, имеют прямое отношение к Китаю. Если геополитика Запада концентрирует внимание на окружающем его пространстве, которое несет в себе смысл экспансии в это пространство, то геополитика Китая говорит только об определении границ собственной безопасности, в пределах которых не должна формироваться прямая угроза стране.

Некоторые ученые в Китае считают, что многие западные концепции, такие как политика с позиции силы, гегемонизм, доминирование великих держав, приоритет демократии и Запада, политический дуализм и многое другое вскоре исчезнет и вместо них появятся новые концепции, которые предлагает Китай такие как «концепция мирного развития и сотрудничества», что облегчит Китаю создание мирной обстановки, «гармоничного мира» и «гармоничного соседства».

Геополитика как наука, особенно западная, имеет понятия, законы и за время своего более чем столетнего существования пережила взлеты, падения, периоды популярности и забвения. Однако она никуда не исчезла, как и желание людей научно осмыслить те или иные международные события и процессы. Как утверждают сами геополитики, все это связано с тем, что поскольку существуют государства и отношения между ними, постольку существует и геополитика. Интерес к исследованию основных тенденций развития современных геополитических процессов в Китае объясняется тем, что она может быть примерена как идеология восстановления великодержавного статуса страны и внедрение таких геополитических категорий как границы, территории, жизненное пространство и национальные интересы становится очень актуальным и востребованным в сознании руководителей страны.

С древнейших времен до сегодняшних дней, три проблемы имели серьезное значение не только для Китая, но и для ближних, да и дальних ее соседей: численность населения, земля, вода. История Китая, как и история многих оседлых государств, это непрерывная борьба за земли, пригодные к возделыванию, и источники их орошения. Для руководства сегодняшнего Китая проблемы земли и воды, усугубляемые сложнейшей демографической ситуацией, являются долгосрочными в стратегическом отношении. По словам известного казахстанского политического деятеля и синоведа М.М. Ауэзова, это объясняет по существу ту особую меру мобилизованности, неуступчивости китайской стороны в вопросах пограничных земель и трансграничных рек. В этой связи возникает проблема геополитических границ, где наряду с геостратегическими важную роль играют демографические, экономические и

территориальные факторы. Для Китая границы являются одновременно геополитической реальностью, геополитической целью и геополитическим средством. Справедливыми в этом плане являются географические законы известного немецкого географа Фридриха Ратцеля - основателя современной политической географии, изложенного им в его известном труде «Политическая география», где Ратцель выразил совокупность принципов пространственного роста государства. Один из его законов гласит: «Граница есть периферийный орган государства и как таковой служит свидетельством его роста, силы или слабости и изменений в его организме».

Вышеуказанные проблемы, с которыми столкнулся Китай, получили свое отражение в китайской внешнеполитической концепции «стратегических границ» и «жизненного пространства», изложенной в Военной доктрине Китая. Согласно этой концепции, КНР нуждается не только в соответствующей материальной базе, в стабильности и единстве внутри страны, в мирном международном окружении, но и в пространстве, обеспечивающем безопасность и жизнедеятельность более чем миллиардного населения. При этом «стратегические границы» этого «жизненного пространства» должны перемещаться адекватно росту «комплексной мощи государства» до рубежей, в которых государство с помощью военной силы может реально защитить свои интересы [11].

Необходимо отметить, что, по мнению китайских исследователей, главными компонентами «комплексной мощи государства» являются экономика, наука и техника, внутривосточная стабильность и военная мощь. Разработка китайскими геополитиками концепции «стратегических границ» и «жизненного пространства» обусловлена рядом причин политического, экономического и чисто военного характера. В

политическом плане выработка такой концепции считается непереносимым условием обеспечения законных прав и интересов Китая, его государственной безопасности и успешного социально-экономического развития. Кроме того, ее разработка, по мнению лидеров КНР, диктуется конкурентной борьбой в мире и, в связи с этим, опасениями Китая опоздать с подготовкой к участию на будущем этапе передела стратегических границ.

Необходимость разработки концепции обосновывается также экономическими соображениями, которые связаны, прежде всего, с непрекращающимся ростом численности населения КНР, что вызывает как бы естественные потребности в расширении пространства для обеспечения дальнейшей экономической деятельности государства и в увеличении его «естественной сферы существования» [12, с. 104-105].

В связи с ограниченностью континентальных ресурсов китайские специалисты все большее внимание стали уделять континентальному шельфу, морям, полярным областям, которые становятся важными сферами соперничества между государствами за расширение стратегических границ.

Размеры «жизненного пространства» определяются также военными интересами КНР, вытекающими из необходимости создания благоприятных условий для раннего обнаружения вероятного нападения, для перехвата сил вторжения на максимально удаленных от своих войск рубежах, а при необходимости - и перенесения военных действий из районов государственных границ в зоны «стратегических границ».

Следует отметить, что маоистское руководство Китая считало район Индокитая и вообще всю Юго-Восточную Азию сферой своего влияния. Это было открыто заявлено в ряде официальных документов, включая «Территориаль-

ный реестр» Мао (10 июля 1964г.), заявление «Мы должны покорить земной шар» (11 сентября 1959г.) и др., еще в середине 60-х годов [13, с. 223-224].

Мао призывал не жалеть затрат ради того, чтобы «заполучить» Юго-Восточную Азию: «Мы обязательно должны заполучить Юго-Восточную Азию, включая Южный Вьетнам. Таиланд, Бирму, Малайзию, Сингапур. В отношении Камбоджи нужно сохранить принципы мирного сосуществования. Такой район, как Юго-Восточная Азия, очень богат, там очень много природных ископаемых, он вполне заслуживает затрат на то, чтобы заполучить его. В будущем он будет очень полезен для развития китайской промышленности. Таким образом, можно будет полностью возместить убытки. После того, как мы заполучим Юго-Восточную Азию, в этом районе можно будет увеличить наши силы. Тогда мы будем иметь свои собственные силы...» [14]. Никаких доказательств, в правомерности своих территориальных притязаний Мао не привел и не мог привести. Каковы же были доводы? Ответ Мао был прост - так считали китайские богдыханы на протяжении многих столетий, так они поучали китайцев. Богдыханы считали, что Китай - «центр мира» - чжун-го, а все остальные народы и страны являются его вассалами, должны перед ним «трепетать» и уплачивать ему дань [14]. В целом, это мнение получило отражение во многих официальных документах. Маоистское руководство заявляло о своих территориальных притязаниях и на такие земли, где никогда не существовало какой-либо китайской власти или администрации, где просто случайно побывали китайцы и оставили иероглифические надписи. К таким землям принадлежит большая часть территории мира, на которой рассеяна более чем двадцатимиллионная китайская община. Следует отметить, что ряд стран Юго-Восточной Азии до сих значатся в

числе «утраченных китайских территорий» [15].

Что касается Центральной Азии, то этот район с древнейших времен притягивал взоры различных правителей «Срединной Империи», хотя никогда не был областью этнического обитания китайцев. Несколько раз на весьма продолжительное время китайцам удавалось подчинить себе большие центральноазиатские пространства (1 век до н.э.- III век н.э. при династии Хань, VIII век н.э.- во времена династии Тан). В указанное время границы китайских владений действительно охватывали большие районы современного южного и восточного Казахстана, вплоть до Аральского моря. Крупные военные походы предпринимались также в VIII и XIII веках н.э., не говоря о весьма частых небольших военных экспедициях. Причем в «русло китайской истории», как пишет М.В.Воробьев, «с неизменной последовательностью вводилось все, что происходило в китайской и околочитайской ойкумене, независимо от того, осуществлялось ли это в Китае, для Китая, против Китая или в связи с Китаем. Китайцы считали себя единственными распорядителями мира». Естественно, говорить о границах точного распространения китайской государственности во время этих завоеваний не приходится по трем причинам:

Во-первых, четкие границы в те времена просто не проводились технически;

Во-вторых, многие территории признавали свою зависимость, степень которой современное международное право не в силах установить;

В-третьих, кратковременное завоевание и обладание данной местностью на 1-2 дня (месяца), что часто встречалось в древности, вовсе нельзя отнести к подлинному владению.

Кстати, опираясь на последний аргумент, некоторые китайские историки

поговаривают о «древних» границах Китая, достигающих пределов Северного Афганистана, Ирана, вплоть до Российского Причерноморья.

Кроме военной доктрины, содержащей концепцию, которая оправдывает захват территорий, Китай имеет другое обоснование с аналогичной целью. Это - пятая стратегема из числа известных китайских «36 стратегем». Она гласит: «Сильный навязывает закон слабому. Если враг повержен внутри, захватывай его земли. Если враг побежден вовне, завладей его народом. Если поражение внутри и снаружи, то забирай все государство.» [16, с. 340-341].

После свержения маньчжурского владычества и образования Китайской Республики в 1911 г. Гоминьдан разработал концепцию «неравноправных договоров» и «утраченных территорий». В первые годы образования КНР (1949-1959 гг.) идея «утраченных территорий» продолжала подспудно жить и крепнуть. В связи с этим в дипломатическом арсенале Пекина появилось еще одно средство, служащее практической реализацией китайской концепции «стратегических границ» и «жизненного пространства». Это так называемая «картографическая агрессия», заключающаяся в попытках навязать сопредельным странам пограничные споры путем публикации карт с неверным изображением границ Китая [17]. Уже первые картографические издания, опубликованные в КНР, имели существенные расхождения с общепринятым изображением границ Китая. Они включали в состав территории Китая значительные части сопредельных стран, в частности Афганистана и Бирмы; Эти издания вызвали дипломатические протесты соседей Китая и послужили основой для настороженного отношения к нему. Одним из таких изданий был выпущенный в феврале 1972 г. «Атлас мира». В ответах на протесты своих соседей пра-

вительство Китая объясняло появление подобных карт тем, что у него еще не было времени для изучения пограничных вопросов, оставленных историей, и что оно просто перепечатало картографические материалы, подготовленные еще при гоминьдановском режиме. Однако, как известно, метод «картографическая агрессия» не является изобретением маоистов. Он был разработан еще в 20-е годы. В процессе роста национализма в Китае происходило переосмысливание международных актов, определивших границы страны, переоценка их, пересмотр отношения Китая к этим актам и разработка на этой основе метода неофициального - картографического - выражения своего несогласия с ними, метода, который и получил в последующем название «картографической агрессии». К примеру, в «Новом атласе Китая», изданном в 1926 г., имеются уже серьезные отступления от действительности в изображении границ страны. В состав китайской территории были включены не только Монгольская Народная Республика, но и значительные районы других сопредельных стран. Таким образом, в составе Китая оказались, весь Памир, так называемый «Афганский коридор», обширные районы Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, вся северная часть Бирмы и другие территории. Поэтому можно с достаточной определенностью говорить о том, что метод «картографической агрессии» был разработан и начал широко применяться в Китае в период между 1923 и 1926 годами. Даже после 1949 года, то есть после освобождения из-под власти гоминьдана всего континентального Китая, и создания КНР, чанкайшистские власти на Тайване, выпуская картографическую продукцию, продолжали использовать метод «картографической агрессии». Позже, этот метод использовался для выдвижения определенных территориальных претензий к соседним

странам. Показательно, что никакие идеологические и политические разногласия между Тайванем и КНР не повлияли на их общую позицию по территориальным вопросам. После образования КНР историки и политики подхватили эстафету у гоминдановского Китая по поводу «утраченных территорий». Продолжали появляться соответствующие труды и карты. Было бы неправильно считать, что территориальные претензии маоистского Китая к СССР были следствием отхода КПК от идеологии марксизма-ленинизма, разногласий относительно практики строительства социализма или того, что в первые годы существования КНР там трудилось поколение историков, получивших образование при старом режиме. Как отмечает известный китаевед К. Хафизова: «Уголки пограничного раздора тлели всегда, а ветер китайско-советского конфликта лишь вновь раздул пламя». Об этом свидетельствуют научные публикации, а также учебные и исторические карты, появившиеся с начала 50-х годов [18]. В изданном в 1954 г. обобщенном историческом труде «Краткая история современного Китая» была помещена «карта китайских территорий, отторгнутых империалистами». В наиболее полную карту «утраченных территорий» в 1959 г. была включена часть территорий Казахстана, Киргизии и Узбекистана вплоть до Ташкента. Уже тогда эти карты называли «картами национального позора» или «картами утраченных территорий» [19, с. 70-87], где территория Китая показывается такой, какой будто бы она была до вторжения колониальных держав. Эти карты явились модификацией исторических карт Китая, показывающих пределы империи так, как они представлялись правящими кругами Китая. Они включали в состав территории Китая практически всю континентальную Юго-Восточную Азию, значительную часть Восточной и Средней Азии

и острова Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей. В соответствии с этими картами, Китай простирался от Сахалина до Ферганской долины и от Байкала и Балхаша до островов Малайского архипелага и Рюкю. Определенный интерес в этой связи представляет таблица «утраченных территорий», помещенная в работе Гао Чан-чжу. Здесь указано все: какая держава что у Китая «отняла», по какому договорному акту или без него, и, наконец, площадь «отторгнутых» от Китая земель, которая составляет 10 535 701 км²! Это при площади современного Китая в 9 600 000 км². С 1955 году маоистское руководство Китая уже выдвинуло претензии на ряд районов сопредельных стран общей площадью в 3 200 000 км². «Карты утраченных территорий» продолжали появляться, несмотря на обещания премьера Чжоу Эньлая заняться изданием новых карт. Взяв на вооружение, и широко используя этот метод, группа Мао Цзэдуна внесла свою «лепту» в его дальнейшее «развитие», превратив в конечном итоге «картографическую агрессию» в «картографическую войну» [20]. Таким образом, территории явившееся объектом «картографической агрессии» Китая, стали «спорными».

Следует отметить, что постановление ЦК КПК от 10 октября 1996 г. об укреплении строительства социалистической культуры ставит целью «собрать утраченные земли до третьего тысячелетия» [21]. Возвращение Сянган (Гонконг), Аомыня (Макао), территорий на границе с республиками Центральной Азии воспринимается в Китае однозначно как стирание «снежной белизны» «национального унижения».

Заключение

Таким образом, в «стратегические границы» и «жизненное пространство», согласно этой концепции, входит тер-

ритория всех соседних государств, особенно Юго-Восточной и Южной Азии и Тихого океана. Территория стран Центральной Азии тоже относится к этому «стратегическому поясу». Китай стремится к такому развитию экономики и вооруженных сил, которое побудило бы его активно вступить в борьбу за передел «стратегических границ» и расширение «жизненного пространства» в следующем XXI веке. На наш взгляд, концепция «стратегических границ» и «жизненного пространства» носит наступательный характер и требует от нас глубокого и всестороннего осмысления. В перспективе, эта концепция может стать обоснованием для подготовки и осуществления экспансии и агрессии соседних стран, что приведет к существенным изменениям в военно-политической обстановке как в Азиатско-Тихоокеанском регионе, так и в мире в целом и затронет национальные интересы и безопасность всех сопредельных с Китаем государств. Вполне вероятно, что пограничный вопрос и проблема трансграничных рек являются одним из примеров практическое воплощения этой концепции, оправданного историческим обоснованием для пересмотра. Особенно актуальным это становится на фоне агрессии России и боевых действий происходящих в Украине как и его ожидаемых последствий для всей региональной системы безопасности Евразии. Казахстану пока удается поддерживать многовекторность в своей внешней политике но в свете усиливающейся конфронтации России со странами «коллективного Запада» всестороннее сотрудничество Казахстана будет подвергаться большим испытаниям.

Список литературы

1 Белая книга по военной стратегии Китая. 中国发布《中国的军事战略》白皮书. // [Электронный ресурс] URL: <http://military.people.com.cn/GB/8221/72028/396430/>

index3.html (дата обращения 29 апреля 2021)

2 Чжан Б. Исторический обзор эволюции внешнеполитических отношений Китая в период осуществления реформ и политики расширения внешних связей (1992–2002) // Проблемы Дальнего Востока. – 2003. – № 6. – С. 40-51.

3 Инициатива «Один пояс, один путь». Научная конференция в Алматы 19 апреля 2019 г. Выступление на открытии научной конференции генерального консула КНР.

4 Индия, Китай, Центральная Азия: глобальные, региональные, страновые аспекты. Коллективная монография под редакцией Л.Г. Ерекешевой. – Алматы: ИД «МИР», 2017. – С. 258.

4 Индия, Китай, Центральная Азия: глобальные, региональные, страновые аспекты. Коллективная монография под редакцией Л.Г. Ерекешевой. – Алматы: ИД «МИР», 2017. – С. 266-272.

5 США остались главным торговым партнером Китая // URL: <https://regnum.ru/news/economy/3480533.html> (дата обращения 15 мая 2022)

6 Китай вновь заявил о своем возмущении против продажи США оружия Тайваню // [Электронный ресурс] URL: http://russian.news.cn/2015-12/16/c_134923326.htm (дата обращения 29 мая 2021)

7 Lushenko P., Hardy J. China, the United States and the Future of Regional Security Order – An Unhappy Coexistence // Asian Security. – 2016. Vol. 12 (1). – P. 1–28.

8 Желобов Д.Е. Уйгурский сепаратизм и «Пирамида Маслоу» // Глобальная и региональная безопасность в XXI веке. – Екатеринбург: УрФУ, 2014. – С. 162–167.

9 Колесникова В.А., Кучинская Т.Н. Обеспечение сетевой безопасности КНР в рамках сотрудничества в регионе Восточной Азии // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сб. Вост. центра. – 2014. – № 14. – С. 21–27.

10 World military expenditure passes \$2 trillion for first time // [Электронный ресурс] URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2022/world-military-expenditure-passes-2-trillion-first-time> (дата обращения 29 апреля 2021)

11 Стефашин В. Современная военная доктрина Китая // Военная мысль, N 1, 1993, с. 67.

12 Стефашин В. Основные политические аспекты военной доктрины Китая // Восток, N 6, 1992, с. 97, 104-105

13 Маоизм без прикрас. Сборник. – Москва: Издательство «Прогресс» 1980. – С. 223-224.

14 Сладковский М.И. Китай: основные проблемы истории, экономики и идеологии. – Москва: Издательство Мысль, 1978. – С.187.

14 Сладковский М.И. Китай: основные проблемы истории, экономики и идеологии. – Москва: Издательство Мысль, 1978. – С. 223.

15 Васильев Г.В. Территориальные притязания Пекина: современность, история. – Москва. Политиздат, 1979. – С. 63.

16 Лемке Г.Э. Конкурентная война. Нелинейные методы и стратегемы. – Москва: Издательство «Ось-89», 2007. – С. 340-341.

17 Малявин В.В. 36 стратагем. Древнекитайское искусство стратегии. – Москва, 1997. – С. 7.

18 Костиков Е.Д. Политическая картография на службе великодержавного национализма // Проблемы Дальнего Востока. – 1973. – №4. – С. 85.

19 Клара Хафизова. Казахстанско-китайская граница в прошлом и сегодня // Многомерные границы Центральной Азии. – Москва: Центр Карнеги. Вып. 2. – С. 70-87.

20 Костиков Е.Д. Политическая картография на службе великодержавного национализма // Проблемы Дальнего Востока. – 1973. – №4. – С. 89.

21 Клара Хафизова. Казахстанско-китайская граница в прошлом и сегодня // Многомерные границы Центральной Азии. – Москва: Центр Карнеги. Вып. 2. – С. 90.

Transliteration

1 Belaja kniga po voennoj strategii Kitaja. 中国发布《中国的军事战略》白皮书. [A white paper on Chinese military strategy] // [Jelektronnyj resurs] URL: <http://military.people.com.cn/GB/8221/72028/396430/index3.html> (accessed 29 April 2021)

2 Chzhan B. Istoricheskij obzor jevoljucii vneshnepoliticheskikh otnoshenij Kitaja v period osushhestvlenija reform i politiki rasshirenija vneshnih svjazej (1992–2002) [A historical overview of the evolution of China's foreign policy relations during the reform period and the policy of expanding foreign relations] // Problemy Dal'nego Vostoka. – 2003. – № 6. – S. 40-51. (in Russ)

3 Iniciativa «Odin pojas, odin put'». Nauchnaja konferencija v Almaty 19 aprelja 2019 g. Vystuplenie na otkrytii nauchnoj konferencii general'nogo konsula KNR. [One Belt, One Road Initiative. Scientific conference in Almaty on 19 April 2019. Address at the opening of the scientific conference by the Consul General of the People's Republic of China] (in Russ)

4 Indija, Kitaj, Central'naja Azija: global'nye, regional'nye, stranovye aspekty. Kollektivnaja monografija pod redakciej L.G. Erekeshevoj. [India, China, Central Asia: Global, Regional, Country Aspects. Collective monograph edited by L.G. Yerekesheva]. – Almaty: PH «MIR», 2017. – S. 258.

4 Indija, Kitaj, Central'naja Azija: global'nye, regional'nye, stranovye aspekty. Kollektivnaja monografija pod redakciej L.G. Erekeshevoj. [India, China, Central Asia: Global, Regional, Country Aspects. Collective monograph edited by L.G. Yerekesheva]. – Almaty: PH «MIR», 2017. – S. 266-272. (in Russ)

5 SShA ostalis' glavnym torgovym partnerom Kitaja [The US remains China's top trading partner] // URL: <https://regnum.ru/news/economy/3480533.html> (accessed 15 May 2022)

6 Kitaj vnov' zajavil o svoem vozrazhenii protiv prodazhi SShA oruzhija Tajvanju [China reiterates its opposition to US arms sales to Taiwan] // [Jelektronnyj resurs] URL: http://russian.news.cn/2015-12/16/c_134923326.htm (accessed 29 May 2021)

7 Lushenko P., Hardy J. China, the United States and the Future of Regional Security Order – An Unhappy Coexistence // Asian Security. – 2016. – Vol. 12 (1). – P. 1–28.

8 Zhelobov D.E. Ujgurskij separatizm i «Piramida Maslou» // Global'naja i regional'naja bezopasnost' v XXI veke. [Uyghur separatism and the Maslow Pyramid]. – Ekaterinburg: UrFU, 2014. – S. 162–167. (in Russ)

9 Kolesnikova V.A., Kuchinskaja T.N. Obe-spechenie setevoj bezopasnosti KNR v ramkah sotrudnichestva v regione Vostochnoj Azii // Rossija i Kitaj: problemy strategicheskogo vzaimodejstvija: sb. Vost. centra. [The Chinese government's efforts to ensure network security within the framework of cooperation in East Asia // Russia and China: problems of strategic interaction: collection of the East Centre.]. – 2014. – № 14. – S. 21–27. (in Russ)

10 World military expenditure passes \$2 trillion for first time // [Jelektronnyj resurs]

Внешнеполитические концепции Китая относительно «стратегических границ» и «жизненного пространства»: внешнеполитические риски для Центральной Азии

URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2022/world-military-expenditure-passes-2-trillion-first-time> (accessed 29 May 2021)

11 Stefashin V. Sovremennaja voennaja doktrina Kitaja// Voennaja mysl', N 1, [China's current military doctrine// Military Thought, N 1] 1993, c. 67. (in Russ)

12 Stefashin V. Osnovnye politicheskie aspekty voennoj doktriny Kitaja [Key political aspects of China's military doctrine// Vostok, N 6, 1992, s. 97, 104-105. (in Russ)

13 Maoizm bez prikras. Sbornik. [Maoism unvarnished. Collection] – Moskva: Izdatel'stvo «Progress» 1980. – S. 223-224. (in Russ)

14 Sladkovskij M.I.. Kitaj: osnovnye problemy istorii, jekonomiki i ideologii. – Moskva: Izdatel'stvo Mysl', [China: Basic Problems of History, Economics and Ideology. – Moscow: Publishing House Mysl,] 1978. – S.187. (in Russ)

14 Sladkovskij M.I.. Kitaj: osnovnye problemy istorii, jekonomiki i ideologii. – Moskva: Izdatel'stvo Mysl', [China: Basic Problems of History, Economics and Ideology. – Moscow: Publishing House Mysl,] 1978. – S. 223. (in Russ)

15 Vasil'ev G.V.. Territorial'nye pritzazanija Pekina: sovremennost', istorija. Moskva. Politizdat. [Beijing's territorial claims: modernity, history. Moscow. Politizdat.]. – 1979. – S.63. (in Russ)

16 Lemke G.Je. Konkurentnaja vojna. Nelinejnye metody i strategemy. Moskva: Izdatel'stvo «Os'-89», [Competitive warfare. Non-linear

Methods and Strategies. Moscow: Os-89 Publishers,]. – 2007. – S. 340-341. (in Russ)

17 Maljavin V.V. 36 stratagem. Drevnekitajskoe iskusstvo strategii. [36 Stratagems. The ancient Chinese art of strategy.]. – Moskva. 1997. – S. 7. (in Russ)

18 Kostikov E.D. Politicheskaja kartografija na sluzhbe velikoderzhavnogo nacionalizma // Problemy Dal'nego Vostoka. [Political cartography in the service of great-power nationalism // Problems of the Far East.]. – 1973. – №4. – S. 85. (in Russ)

19 Klara Hafizova. Kazahstansko-kitajskaja granica v proshlom i segodnja// Mnogomernye granicy Central'noj Azii. [The Kazakhstan-China border in the past and today//Multidimensional Borders of Central Asia. Vol. 2]. – Moskva: Centr Karnegi. – Vyp. 2. – S. 70-87. (in Russ)

20 Kostikov E.D. Politicheskaja kartografija na sluzhbe velikoderzhavnogo nacionalizma // Problemy Dal'nego Vostoka. [Political cartography in the service of great-power nationalism // Problems of the Far East.]. – 1973. – №4. – S. 89. (in Russ)

21 Klara Hafizova. Kazahstansko-kitajskaja granica v proshlom i segodnja// Mnogomernye granicy Central'noj Azii. [The Kazakhstan-China border in the past and today//Multidimensional Borders of Central Asia. Vol. 2]. – Moskva: Centr Karnegi. – Vyp. 2. – S. 90. (in Russ)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Канат Изимович Масабаяев

постдокторант PhD КазНУ им. аль-Фараби, заместитель генерального директора института Востоковедения имени Р.Б. Сулейменова КН МНВО РК, Алматы, Казахстан, ORCID ID:0000-0001-5514-4210

Канат Изімұлы Масабаяев

Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ PhD постдокторанты, ҚР ҒЖБМ ҒК Р.Б. Сүлейменова атындағы Шығыстану институтының бас директордың орынбасары, Алматы, Қазақстан, ORCID ID:0000-0001-5514-4210

Kanat Masabayev

PhD postdoctoral Student at Al-Farabi Kazakh National University, Deputy General Director of the R.B. Suleimenov Institute for Oriental Studies CS MSHE RK, Almaty, Kazakhstan, ORCID ID:0000-0001-5514-4210